характер (вони зберігають своє лексичне значення, у межах цілісної сполуки реалізуються певний тип семантико-синтаксичних відношень і певний синтаксичний зв'язок).

Крім цього, у мовленні можуть утворюватися різноманітні складні словосполучення, структура яких не зумовлена валентністю стрижневого компонента, їх моделі не закріплені як мовний факт. Пор.: *Хто, хто* ***шляхи зітре мені****? (М. Семенко); Скільки народів твоїми водами* ***Крізь піну невірних хвиль Змагалося*** *з бурями й непогодами Проклинало могутній Штиль (М. Семенко); Про святий пророкуючи голос,* ***Про Месію над морем пшениць****, Тут дзвенить обітницею колос, Під косою схиляючись ниць (Є. Маланюк).*

Отже, виділення кількісно-структурних типів словосполучень сучасної української мови належить до дискусійних питань синтаксису словосполучення. У сучасній лінгвістиці сформувалися різні підходи до розв'язання цієї проблеми, які було окреслено в пропонованій розвідці. Крім того, запропоновано авторське бачення досліджуваної проблеми, яке ґрунтується на узагальненні наявних підходів до проблеми виділення кількісно-структурних типів словосполучень сучасної української мови.

ЛІТЕРАТУРА

1. Бабайцева В.В. Простые и сложные словосочетания / В.В.Бабайцева // Русский язык в школе. – 2007. – № 4. – С. 27-32.
2. Загнітко А.П. Український синтаксис (науково-теоретичний і навчально-практичний комплекс): У 2-х ч. – Ч. 1.: навч. посіб. / А.П.Загнітко – К.: ІЗМН, 1996. – 202 с. – ISBN 5-7763-9335-3
3. Виноградов В.В. Вопросы изучения словосочетаний / В.В.Виноградов // Вопросы языкознания. – 1954. – № 3. – С. 3-24.
4. Прокопович Н.Н. Словосочетание в современном русаком литературном языке: монография / Н.Н.Прокопович. – М.: Просвещение, 1966. – 399 с.
5. Тулина Т.А. Функциональная типология словосочетаний: монография / Т.А.Тулина. – К.-Одесса: Вища шк., 1976. – 176 с.
6. Загнітко А.П. Теоретична граматика української мови. Морфологія: монографія / А.П.Загнітко. – Донецьк : ДонДУ, 1996. – 365 с.
7. Долгов Ю.С. Тип валентности как грамматическая категория в русском языке / Ю.С.Долгов // Русское языкознание – К.: Лыбидь, 1990. – Вып. 21. – С. 44-49.
8. Словосочетание[Электронный ресурс] // Русская грамматика. – Режим доступа: http://rusgram.narod.ru/
9. Вихованець І.Р. Граматика української мови. Синтаксис: підручник / І.Р.Вихованець. – К.: Либідь, 1993. – 368 с. – ISBN 5-325-00174-4
10. Чепасова А.М. Семантические и грамматические свойства фразеологизмов: монография / А.М.Чепасова. – Челябинск: Челябинский гос. пед. ин-т, 1983. – 92 с.
11. Удовиченко Г.М. Словосполучення в сучасній українській літературній мові: монографія / Г.М.Удовиченко. – К.: Наук. думка, 1968. – 288 с.

УДК 811.161.1'37

ПРОБЛЕМА ФРАЗЕОЛОГИЧНОСТИ СЕМАНТИКИ ОТГЛАГОЛЬНОГО ДЕРИВАТА

Бердник Л.В., к. филол. н., доцент

Национальный горный университет

Анализируется проблема фразеологичности семантики отглагольного наименования деятеля, а также рассматривается степень ее предсказуемости.

Ключевые слова: семантика, фразеологичность, пропозициональные импликации, наименования деятеля, дериват.

Бердник Л.В. ПРОБЛЕМА ФРАЗЕОЛОГІЧНОСТІ СЕМАНТИКИ ВІДДІЄСЛІВНОГО ДЕРИВАТА/ Національний гірничий університет, Україна.

Аналізується проблема фразеологічності семантики віддієслівного найменування діяча, а також розглядається ступінь її передбачуваності.
Ключові слова: семантика, фразеологічність, пропозиціональні імплікації, найменування діяча, деривat.

Berdnyk L.V. THE PROBLEM OF SEMANTIC AUGMENT IN NOUNS DERIVED FROM VERBS / National Mining University, Ukraine
The problem of semantic augment in nouns which denote a doer of an action is analyzed and besides, the possibility of word meaning predictability is considered.
Key words: semantic augments, implicit meaning, derivative, to denote, a doer of an action.

Производное слово обладает “статусом имени концепта” [8, с.68]. Концепт производного имени деятеля, помимо предметной отнесенности, включает в себя всю коммуникативно-значимую для носителя языка информацию (парадигматические, синтагматические, прагматические, ситуативные, селективные связи), которая находит системное выражение в языке на имплицитном уровне благодаря возможности ее соотнесения со словообразовательными средствами. Этот факт подтверждает суждение о том, что “любая дискретная единица коллективного сознания, которая отражает предмет реального или идеального мира …, хранится в национальной памяти языка в вербально обозначенном виде” [5, с.11]. В девербативах деятеля эксплицитным выражением этой связи является сочетание внутренней формы и деривационной структуры. Пропозициональные связи воспроизводят в системе языка латентные отношения концепта и его вербальных реализаций [8, с.68].

Изучение словообразовательных явлений в отечественном языкознании (Е. С. Кубрякова, Б. А. Серебренников, В. Н. Телия и др.) на фоне научных разработок в области теории номинации (И. С. Торопцев, его школа и др.) и традиций семантического анализа (Н. Д. Артюнова, Е. В. Падучева, Ю. С. Степанов и др.) представляется перспективным: нахождение логических и языковых закономерностей обеспечивается деривационными решениями семантического содержания концепта. В исследованиях разных школ подчеркивается, что “главным для всей науки о языке является вопрос о том, как формируются, выражаются и передаются языковые значения” [15, с. 46]. Рассмотрение проблемы с разных позиций (структурной, дескриптивной, стратификационной и т. д.) вызвано единой целью – познать систему номинации, демонстрирующей, на первый взгляд, отсутствие однозначной корреляции *значение – знак* в направлении от содержания к форме. Это поможет достичь понимания систематизации производных имен на основании “аргументации” структурной формы, в которой материализуются глубинные предикативные синтаксические, семантические связи и логические отношения.

Характер внутренней формы имени деятеля предопределяется фактором интенциональности (замысел, намерения говорящего) (Зейдеманн, Телия). По справедливому замечанию А. В. Бондарко, “форма как способ языкового представления смыслового содержания существует в неразрывной связи с формой как материально выраженной единицей языковой системы, “у каждой формы – свое значение. Разные формы либо выражают значения, меняющие смысл высказывания, либо, при тождестве или сходстве смысла, заключают в себе разные способы его языковой семантической интерпретации” [2, с. 12]. Ср.: *красильщик – краситель, мучитель – мученик, севщик* (обл.) – *сеяльщик* (с./х.) – *сеятель, плавщик* (обл.) – *плавильщик* (техн.) и т.п.

Диапазон лингвистических исследований логико-понятийного характера связи языка и познания расширяется за счет рассмотрения “перцептуальных” и “экспериниальных” свойств человеческого познания. Восприятие и концептуализация человеком мира и себя в нем, своего опыта, а также необходимость последующей вербализации средствами языка, способствует появлению новообразований. В том случае, когда “говорящий не находит в своем внутреннем “я” (памяти) готовых подходящих единиц номинации, он включает механизмы малого синтаксиса или словообразования” [15, с.124].

Знание деривационных закономерностей способствует оптимизации процесса процедуры именования и его дешифровки. “Значение в языке не может существовать само по себе, вне определенных форм” [34, с.4], оно “нуждается в означающем” [37, с.418] и, следовательно, “…можно, исходя из заданного набора средств, прогнозировать результаты синтеза” [1, с.287], хотя и не всегда [21; 22; 26].

Взаимообусловленные потребность и необходимость расставлять “акценты” на те или иные детали обозначаемого фрагмента смысла как факт его познанности оказываются реализованными благодаря возможностям “разной степени экспликации” мыслительного содержания [35, с. 9] “альтернативными способами выражения”: “разнотипными и разноструктурными формами с помощью “дробления” или же членения этого мыслительного содержания на разные части” [16, с. 26], а также его интегрирования в новый концепт.

Обозначаемая производным словом реалия понимается одинаково и говорящим, и слушающим. Коммуникативная направленность языка предполагает обоюдное умение общающихся сторон, во-первых, называть предметы, процессы, явления объективной действительности и выражать субъективное

отношение к ним, а во-вторых, адекватно толковать и усваивать соотносимые с реалиями и их связями слова-названия-знаки. В акте речи оказываются реализованными взаимообусловленные именем-названием, но разноустремленные ономасиологический (от греч. *onoma* – имя) и семасиологический (от греч. *sema* – значение) аспекты. Используя общие источники номинации, человек в слове отражает мир и себя в нем. Это особенно наглядно предстает в способности выделять основополагающие признаки и адекватно трактовать "актантно-ролевые структуры глагола", закрепляющие "константы сознания" (А. А. Уфимцева) [1, с.8] на имплицитном уровне.

Сегодня еще отсутствует определенность в вопросе: а) появляются ли дополнительные компоненты смысла в процессе функционирования слова (как предлагают считать Л. В. Сахарный, З. М. Волоцкая, О. Г. Ревзина), или же б) фразеологичность присуща слову уже в момент его возникновения [12, с.245; 31, с.27].

Как представляется, оба эти фактора имеют место, только с той оговоркой, что в процессе функционирования слова дополнительные значения возникают чаще по моделям (схемам), которые устанавливаются на основании изученности уже имеющихся способов номинации, аналогичных по характеру смысловых значений.

Установление типа отношений производности определяет сущность словообразовательного значения, которое представляет собой семантическую абстракцию, возникающую в результате обобщения типичных семантических отношений производного и производящего. Словообразовательный формант приобретает значение, которое повторяется в целой группе слов, носит обобщенный характер и имеет идентичное формальное выражение. Образованное слово включается в лексическую систему и начинает в ней функционировать. Как уже отмечалось, приобретаемые дополнительные элементы значения, не выраженные материально, возникают благодаря возможности человеческой памяти: привычно, что "субъект" выполняет какое-либо действие, что действие направлено на "объект", что оно выполняется каким-либо "инструментом", приводит к определенному "результату" и т. д. Иначе говоря, память обладает способностью концептуализации системы типовых связей: "действие – актант, действие – объект действия, действие – реципиент, действие – направленность, действие – средство действия, действие – локализация действия, действие – время действия" [10; 11; 38, с.14-17].

Ю. Н. Караулов эти типы связей представляет как обобщение, усреднение семантических связей, установленных для словообразовательных отношений [10, с.239]. " … Как только мы нашли необходимый предикат, он диктует "полагающиеся" ему аргументы, которые должны заполнить определенное количество мест в соответствии с семантикой данного глагола и числом его валентностей" [14, с.104], т. е. возможность новых референций отглагольных дериватов детерминирована потенциальными актантами производящего глагола, всплывающими в ситуации речевого общения (контекст), либо в дефиниции.

Иными словами, в значениях производных слов реализуется способность производящего слова выражать актантные связи (стандартный набор отношений), латентность которых в производной среде создает тот самый пропозиционально-смысловой подтекст, позволяющий выразить в лексическом значении образуемого или уже функционирующего производного "нечто большее, чем то, что содержится в совокупности значений его составных частей" [30, с.81]: *проигрыватель* – не тот, кто проигрывает (в карты, в шахматы), *писатель* – не то, чем пишут, *делитель* – не тот, кто делит, *множитель* – не тот, кто умножает и т. д.

В этой связи своевременно звучит положение о том, что "концепт – единица коллективного сознания (отправляющая к высшим духовным ценностям), имеющая языковое выражение и отмеченная этнокультурной спецификой" [8, с.70], т. е. самобытность и оригинальность видения картины мира носителями языка определяется "способом концептуализации" его в лексической семантике по "концептуальным моделям" с устойчивыми связями между ними. Свидетельством этому и является "этнокультурная маркированность" вербализованности (выбора объективной / субъективной внутренней формы, с точки зрения данного народа), а также индивидуальная "авторизация" семантических единиц в их соотнесенности с экспериенциальным и перцептуальным опытом носителя языка [4; 8; 18; 18; 20; 36 и др.].

Предметные связи, находящие языковое выражение в фиксируемых дефиницией или самим производящим предикативных связях, имплицитно существуют после "свертывания" в производном слове. Латентный характер этой связи является одним из источников фразеологичности семантики производных слов. При отглагольном именовании "пучков смыслов" внутренняя предикация входит в номинацию в скрытом виде, и, являясь словообразующим звеном, частью данной номинации, влияет на ее характер, т. е. сказывается на определении значения слова и его номинации. Иными словами, если в системе имеет место А (здесь конкретный вид предикативной связи), то в ней наблюдается Б (коррелирующая вербальная оболочка) [24, с.49].

Имплицитное присутствие всех связей производящего глагола в производном слове (и в памяти носителя языка) обеспечивает динамику значения, что позволяет в конкретной ситуации в соответствии с замыслом актуализировать и вербализовать "нужную часть значения", т. е. формализовать новое содержание в искомой номинативной единице, и в то же время "регламентирует диапазон допустимой подвижности знаков" [15, с.66].

Слово представляет собой самодостаточный "фрагмент речи, маленький, но полноценный" [19, с.296]. А. Белый писал: "Слово создает новый, третий мир – мир звуковых символов, посредством которого освещаются тайны вне меня положенного мира, как и тайны мира, внутри меня заключенные: мир внешний проливается в мою душу; мир внутренний проливается из меня в зори, в шум деревьев: в слове, и только в слове воссоздаю я для себя окружающее меня извне и изнутри…" [3, с.131].

Словообразовательные процессы в том или ином языке позволяют реализовать аксиологическую ориентированность процесса номинации. "Сохраняя свою внутреннюю форму, производное слово, таким образом, дает возможность понять "привычки сознания", узнать, о чем и как думает тот или иной народ, отсылая к его концептуализации мира. А поскольку эта концептуализация носит системный характер, то выбор словообразовательно маркируемых категорий и их объективируемых признаков также не является случайным, и тем более хаотичным, а носит системный характер, давая представление о мировидении, мирочувствовании и миросозерцании народа" [7, с.27].

Изначально имеющая место актуализация некоторого участка, фрагмента действительности на основании полученных о нем знаний – в терминологии И. С. Торопцева, М. С. Малеевой, В. А. Губановой, С. Ф. Илларионова и др. [27, с.52] "подготовка идеального содержания", – на следующем этапе объективируется в производной лексической единице посредством выбора "разновидности мотивировки" и ближайшего производящего, мотивирующего этот выделенный (познанный) фрагмент на основании "общего, одинакового или сходного признака" [27, с.45] в сопоставляемых словах (производящем – производном), так называемого "tertium comparationis" в терминологии В. Н. Телии, А. Вежбицкой.

Итогом вышеперечисленных актов становится "имя", звуковой комплекс, с одной стороны, входящий в словообразовательную систему языка, с другой – в нерасчлененном виде фиксирующий содержание образованной лексической единицы, являющей собой единство ее формального и содержательного планов, между которыми и в которых устанавливается сеть связей и отношений, что относительно предопределяет формальную структуру номинативной единицы как системы (на уровне производного слова).

Подлежащему объективированию в слове новому познанному и выделенному или по-новому осознанному фрагменту действительности изначально предшествует и синхронно соответствует дескриптивное его отражение в развернутом словосочетании. Оно эксплицирует предикативные связи производящего, его актанты и комплементы, является дефиницией реалии, которой предстоит быть именованной. На его базе осмысляется и строится производное. По определению Е. С. Кубряковой, производное слово – это "такая единица наименования, которая, формируясь, проходит путь от знака – сообщения к знаку – названию [13, с.25], а семантические отношения ономасиологического базиса, признака и связки-предиката носят пропозициональный характер" [152, с.14]. Иными словами, уже сформированному значению с учетом константного характера корреляции семантической и синтаксической связей между производящим глаголом и его актантами подбирается мотивированная, производная, вербальная оболочка (имя), "рациональная, оправданная, объяснимая и понятная" [27, с.33; 28, с.81].

А. А. Потебня писал: "Чтобы уловить свои душевные движения, чтобы осмыслить свои внешние восприятия, человек должен каждое из них объективировать в слове и слово это привести в связь с другими словами" [29; 27, с.8].

По мнению Б. А. Серебренникова, "для того, чтобы понятие какого-либо явления (идеальное содержание) выразить в слове, оно должно быть сопоставимо с уже выраженными в языке понятиями [32, с.63; 27, с.113]. Эти положения объединяет общая установка на логико-понятийную соотнесенность слов в языковой системе наряду со структурно-семантической корреляцией пары производящее – производное.

"Чтобы было понято отдельное слово, должно быть в наличии поле словесных знаков (das Wortzeichenfeld) как целое, и отдельный словарный знак может быть понят только в массе одновременно с ним существующего поля. Слово "имеет значение" только в этом целом и через это целое" [10, с.6]. Таким "полем" для производного слова является производящее с собственными синтаксическими и семантическими связями.

В этой связи тем более неожиданным представляется тезис об отсутствии единой системы в языке, выдвигаемый иногда исследователями [11 и др.]. Неоднородность картины представлений о системности

в лексике видится в предпринимаемых в лингвистике подходах к этой проблеме и вытекающих из них суждениях. По замечанию Ю. Н. Караулова, "…опыты построения отдельных ономасиологических групп с анализом взаимоотношений меж составляющими их элементами и приемами типизации синтаксических связей и валентностей лексической единицы с последующей реконструкцией ее семантики по моделям сочетаемости … обладают ограниченной силой, не имеют универсальной значимости" [11, с.167].

Отсутствие универсальной значимости разработок – это не "беда", а заслуга языковой сущности, его динамики. "Неожиданные повороты" словотворчества обостряют внимание, избавляют от запрограммированности, демонстрируют его гибкость, выживаемость и развитие. Чрезмерная, избыточная "строгость" гибельна для всего живого, в том числе и для языка [33, с.52]. Поэтому логично, как представляется, говорить не о закономерностях в языке, в частности, в словообразовании, и универсальности разработок по этому поводу, а о тенденции к ним. В отличие от закономерности – "необходимого, существенного, повторяющегося отношения между явлениями языка" [33, с.47] – "тенденция представляет собой устойчивую нерегулярность, действующую в течение длительного времени" [33, с.47], характерную для развития языка.

Убедительней выглядят концепции, в которых делаются попытки найти компромисс между крайностями – системность или ее отсутствие. "Представляя собой организованную совокупность, языковая система является лишь относительно упорядоченной, и по отношению к ней вполне уместен вопрос "Всегда ли система системна?" [6; 24, с.74]. В этой связи закономерно возникают проблемы 1) степени упорядоченности словообразовательной системы, 2) характера ее проявления – "в чем именно эта упорядоченность проявляется" [24, с.74], а также 3) возможности отклонений, случайностей (исключений) в ней.

Непременное и сознательное воздействие на организацию производной лексики, основывающееся на повторяющихся отношениях словообразовательных моделей, вытекает из стремления человека к упорядоченности (в языке в том числе). Устанавливаемые в словообразовании "нормы" ориентированы, во-первых, на традицию (ретроспективная): так следовало бы сказать; во-вторых, на распространенность (дескриптивная / узуальная): так говорят; в-третьих, на "идеал" (прескриптивная), как правило, являющаяся предметом исследовательских дискуссий и рекомендаций: так следует сказать [23, с.29].

Иными словами, наблюдается вероятностная детерминированность. Производное слово, в частности, как логическая схема реализации коммуникативных потребностей человека и хранения информации [17; 25, с.59; 24, с.521] фиксирует типы отношений в специфических словообразовательных структурах, связывающих планы выражения и содержания. Их анализ выявляет концептуальные особенности феномена языка, определяет его "национальный дух" (по Гумбольдту), неповторимую национальную специфику видения образов и своеобразие сочетаемостных синтаксических и семантических связей слов. Идея "о существовании синтаксиса слова" (Э. Селкирк), появилась в результате достижений в области трансформационного синтаксиса и получила развитие в ходе разработки теории номинации в когнитивном аспекте. Проводимые исследования подтверждают высокую роль аналогии в действии механизма деривации. Органическая связь номинации и латентной предикации обусловливает разную степень предсказуемости семантики девербативов деятеля.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богданова Л. И. Зависимость формы актантов от семантических свойств русских глаголов: Дис…д-ра филол. наук: 10.02.01./ Л.И.Богданова. – М., 1999. – 347 с.
2. Бондарко А. В. О формальности языковых значений / А.В.Бондарко// Язык: теория, история, типология. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – С. 16-21.
3. Белый А. Магия слов / А.Белый // Символизм как миропонимание. – М.: Республика, 1994. – 528 с.
4. Бабушкин А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка./ А.П.Бабушкин. – Воронеж, 1996.- 104с.
5. Бабушкин А.П., Жукова М. Т. Перевод реалий в свет проблем когнитивной семантики/ А.П.Бабушкин, М.Т.Жукова // Проблемы культурной адаптации текста. – Воронеж, 1999.- С.11-13.
6. Виноградов В. А. Всегда ли система системна? / В.А.Виноградов // Система и уровни языка. – М., 1964.
7. Вендина Т. И. Словообразование как способ дискретизации универсума / Т.И.Вендина // Вопросы языкознания. – 1999. – №2. – С. 27-49.
8. Воркачев С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С.Г.Воркачев // Филологич. науки. – 2001. – №1. – С. 64-72.

9. Грамматика современного русского литературного языка / Отв. ред. Н. Ю. Шведова. – М.: Наука, 1970. – 767 с.

10. Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография / Ю.Н.Караулов. – М.: Наука, 1976. – 355 с.

11. Караулов Ю. Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус русского литературного языка / Ю.Н.Караулов. – М.: Наука, 1981. – 366 с.

12. Кудрявцева В. А. Наследование валентностных свойств глагола отглагольным именем (На материале наименований лиц в русском языке): Дис…д-ра филол. наук: 10.02.01./ В.А.Кудрявцева. – М., 1991. – 379 с.

13. Кубрякова Е. С. Об определении границ ономасиологических исследований / Е.С.Кубрякова // Проблемы ономасиологии, IV: сб.науч. тр. – Т. 175. – Курск: Курск гос. пед. ин-т, 1977. – С. 23-26.

14. Кубрякова Е. С. Части речи в ономасиологическом освещении / Е.С.Кубрякова. – М.: Наука, 1978. – 115 с.

15. Кубрякова Е. С. Номинативный аспект речевой деятельности / Е.С.Кубрякова. – М.: Наука, 1986. – 149 с.

16. Кубрякова Е. С. Когнитивные аспекты морфологии / Е.С.Кубрякова // Язык: теория, история, типология. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – С. 22-27.

17. Колшанский Г. В. Логика и структура языка / Г.В.Колшанский.– М.: Высш. школа, 1965. – 240 с.

18. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка / Д.С.Лихачев // Изв. АН СЛЯ. – 1983. – Т.52. – №1. – С. 3-9.

19. Ляпин С. Х. Концептология: К становлению подхода / С.Х.Ляпин // Концепты. Вып.1. – Архангельск, 1997.- С.11-35.

20. Левонтина И. Б. Речь vs язык в современном русском языке / И.Б.Левонтина // Язык о языке. – М.: Язык русской культуры, 2000. – С. 271-289.

21. Михальчук И. П. Концептуальные модели в семантической реконструкции (индоевропейское понятие ‘закон’) / И.П.Михальчук // ИАН СЛЯ. – 1997. – Т.56. – №4.- С.29-39.

22. Милославский И. Г. О регулярном приращении значения при словообразовании / И.Г.Милославский // Вопросы языкознания. – 1975. – №6. – С. 65-72.

23. Милославский И. Г. Вопросы словообразовательного синтеза / И.Г.Милославский. – М.: МГУ, 1980. – 296с.

24. Мыркин В. Я. Всегда ли языковая норма соотносится с языковой системой? / В.Я.Мыркин // Филол. науки. – 1998. – №3. – С. 22-30.

25. Общее языкознание. Внутренняя структура языка. – М.:Наука,1972. – 560 с.

26. Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. – М.: Наука, 1970. – 604 с.

27. Панов М. В. О слове как единице языка / М.В.Панов // Уч. зап. Моск. гос. пед. ин-та им. В. П. Потемкина. – Т.51. – М., 1956. – 597 с.

28. Проблемы ономасиологии: сб.науч. тр. – Т. 21 (144). – Орел, 1974.

29. Проблемы ономасиологии, II: сб.науч. тр.– Т. 46 (139). – Курск, 1975. – 204 с.

30. Потебня А. А. Мысль и язык / А.А.Потебня. – К.: Синто, 1993. – 192 с.

31. Пешковский А. М. В чем же, наконец, сущность формальной грамматики? / А.М.Пешковский // Изб. тр. – М., 1959. – С. 71 – 100.

32. Пантелеева Н. А. Об идиоматичности слова / Н.А.Пантелеева // Вопросы лексики и грамматики русского языка. – Пермь, 1974.

33. Серебренников Б. А. К проблеме типов лексической и грамматической абстракции (О роли принципа избирательности в процессе создания новых слов, грамматических форм и выбора способа грамматического выражения) / Б.А.Серебренников // Вопросы грамматического строя.– М.: Изд-во АН СССР, 1955. – 481 с.

34. Тираспольский Г. И. Система языка и системность в языке / Г.И.Тираспольский // Филол. науки. – 1999. – №5. – С. 45-53.

35. Ярцева В. Н. Историческая морфология английского языка / В.Н.Ярцева. – М. – Л.: АН СССР, 1960. – 194 с.

36. Ярцева В. Н. Иерархия грамматических категорий и типологическая характеристика языка / В.Н.Ярцева // Типология грамматических категорий. Мещаниновские чтения. – М.: Наука, 1975. – С. 5-23.

37. Яковлева Е. С. О понятии “культурная память” в применении к семантике слова / Е.С.Яковлева // Вопросы языкознания. – 1998. – №3. – С. 43-73.

38. Язык о языке / Под общ. рук. и ред. Н. Д. Арутюновой. – М.: Языки рус. культуры, 2000. – 624 с.

39. Schank. R. S. Is there a semantic memory ? / R.S.Schank //“Working papers. Instituto per gli Studi Semantici e Cognitivi”: Castagnola, Switzerland. – 1974. – № 3. – P.14-17.

УДК 811. 112. 2’ 272’ 367.627’ 42

КОГНІТИВНО-КУЛЬТУРОЛОГІЧНИЙ КОМПОНЕНТ ЧИСЛІВНИКІВ У НІМЕЦЬКОМОВНІЙ КАРТИНІ СВІТУ

Бєлозьорова Ю.С., к. філол. н., доцент, Селезньова М.О., студент

Запорізький національний університет

У статті розглядаються одиниці німецькомовного пареміофонду, до складу яких входять числівники. Доводиться їх зумовленність культурними нормами німецького народу.

Ключові слова: мовна картина світу, фразеологічні одиниці, пареміофонд, числівник.

Белозерова Ю.С., Селезнева М.А. КОГНИТИВНО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ КАРТИНЕ МИРА/ Запорожский национальный университет, Украина

В статье рассматриваются единицы немецкоязычного паремиофонда, в состав которых входят числительные. Доказывается их взаимосвязь с культурными нормами немецкого народа.

Ключевые слова: языковая картина мира, фразеологические единицы, паремиофонд, числительное.

Byelozyorova Yu. S., Seleznyova M. A. THE COGNITIVE-CULTURAL COMPONENT OF THE NUMERALS IN THE GERMAN LANGUAGE WORLDVIEW/ Zaporizhzhya National University, Ukraine

The article deals with the adage units of the German language, incorporating the numerals. Their relationship with the cultural norms of the German people is being proved.

Key words: language worldview, phraseological units, adage fund, numeral.

Сучасна лінгвістика визначає свою нинішню парадигму як когнітивно- дискурсивну, що є визнанням домінуючими двох напрямків досліджень - когнітивної лінгвістики й дискурсивного аналізу. У такому визначенні парадигми увага фокусується на двох основних і давніх проблемах мовознавства: 1) мова й мислення/ свідомість/ знання - у широкому розумінні предмет когнітивістики й 2) мова як засіб/ інструмент комунікації в соціокультурному континуумі, що становить предмет досліджень у сучасному дискурсивному аналізі.

Вивчення мовної картини світу (МКС) припускає, насамперед, аналіз номінативної діяльності людини, і, відповідно, одиниць лексичного рівня мови. Це більшою мірою сфера когнітивних досліджень. Однак деякі концепти, що входять до складу МКС, виходять у своєму вербальному вираженні за рамки слів, ідіом, словосполучень, відповідають фразам, реченням, текстам і виявляються вже в процесі функціонування мови, тобто в дискурсі. Тому когнітивні й дискурсивні дослідження в плані вивчення МКС доповнюють одне одне. Незважаючи на популярність МКС як об'єкта дослідження й неоднократні спроби дати визначення цього терміна, навряд чи будь-яке з них можна вважати всебічним і остаточним. Одна із причин полягає в безлічі підходів до МКС (філософський, когнітивний, культурологічний, лінгвістичний тощо), і, відповідно, в акцентах, які розставляються в цих визначеннях. По-друге, на сьогодні немає єдності думок щодо понять, які є основними складовими МКС (концепт, фрейм, прототип)[1; 2; 3;4].

МКС нерідко порівнюють із дзеркалом, у якому відбивається реальний світ. Однак розробка проблеми поступово наводить вчених на думку про те, що МКС скоріше нагадує не дзеркало, а автопортрет, який створює художник, дивлячись у дзеркало [5, 18]. Розуміння МКС не як дзеркального відбиття світу, а як